

«ГРАФИКА НАЧИНАЕТСЯ С ТОЧКИ...» 3

Беседа с художником-иллюстратором Павлом Татарниковым

В ТЕНИ
«ДВУХ
КАПИТАНОВ»
8

ЭЛВИС —
ГЕРОЙ
ГРАЖДАНСКОЙ
19

#8
(2332)

Книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

4 ЧЕЛОВЕК — ЭТО
МАЛЕНЬКИЙ
ВИНОГРАДНИК

Мастер Чэнь об
антигламурном виноделии

5 ПО РЕЦЕПТУ
БЕЗУМНОГО
ДОКТОРА

экскурсия в детство
Джека Керуака

17 СУБТИТРЫ
КАК
ПОЭЗИЯ

Бернардо Бертолуччи
о кино и прочем

НОВОСТИ

90 лет правды

15 апреля Сигурд Оттович Шмидт, сын легенды XX века — знаменитого исследователя Арктики Отто Юльевича Шмидта, отметил 90-летний юбилей в том самом доме на Арбате, где он родился в Страстную субботу 1922 года. В Историко-архивном институте, в котором академик Российской академии образования преподает уже 63 года, студенческая жизнь для первокурсников неизменно начинается с лекции любимейшего и старейшего профессора.

Более всего Сигурду Оттовичу подходит старинное слово «просветитель». Созданный Шмидтом в 1949 году студенческий кружок источниковедения вошел в предания как научная школа, воспитавшая несколько поколений ученых. «Он лучший в наши дни знаток источников по истории России XVI века», — говорил Дмитрий Лихачев.

Сигурд Оттович прожил почти век, он стал свидетелем и участником многих исторических событий. Он один из крупнейших специалистов по истокам деспотизма: эпохе Ивана Грозного. «Нет, неслучайно я взялся за эпоху Ивана Грозного. Это, несомненно, были аллюзии на современность. Я ведь писал о тех людях, которые стали жертвами Грозного. Я хотел разобраться, как это могло случиться». Итогом его исследований стало убеждение: нравственна власть или безнравственна — это для народа вопрос жизни и смерти.

Патриарх науки с горечью сознает, что авторитет русской исторической школы пошатнулся: «Мне тяжело видеть, когда историки подделываются под тусовочные взгляды. Тусовочные взгляды меняются. Я помню, что писали до 1991 года те, кто сегодня пишет о “засланных” большевиках».

Говоря о рецепте своего долголетия, академик признается: «Я по натуре человек общественный, всегда был занят преподаванием. И чувствовал свою востребованность, а это очень важно, когда человека ждут».

Выбираем костюм не глядя

ужеская мода глазами Харди Эмиса (стр. 6)

Читайте в выпуске «PRO»:

Подведены предварительные итоги конкурса «Лучшая книга года»;

В Лондоне проходит знаменитая книжная ярмарка.

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в PROфессиональной версии «Книжного обозрения», распространяемого только по подписке.

Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 2 мая с.г.

НОВОСТИ

книга недели

Средство передвижения

Автомобиль не роскошь — сказали классики. Ну, это смотря какой. «Ушастый» «Запорожец» — это, понятное дело, даже не средство передвижения, а ведро с гайками. А вот «Роллс-Ройс», в котором можно сидеть, не снимая шляпы-цилиндра — дело другое.

Но книга Александра Кабакова в основном посвящена восприятию автомобиля именно советскими гражданами. Характерная цитата: «Этот парень упал в советскую провинцию середины шестидесятых, как падает мелкая монетка путешественника в пыль чужой земли. <...> —

Кабаков А. Проехали: Машины прошлого века в воспоминаниях и картинках. М.: Астрель, 2012. — 156 с. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-271-39217-7

А машина у тебя была? — Car? Была, конечно. Cadillac. Купил на car dump... свалка, так? За пять хандредс. Разговор заходил в тупик. Никто из нас не мог представить “кадиллак” на свалке». Это понятие было из журнала «Крокодил» — «кадиллак», наряду с сосисочной сигарой и толстым пузом, был аксессуаром карикатурного буржуя. «Наши люди» не только не ездили в булочную на такси — они полжизни копили на машину, еще полжизни стояли в очереди на право купить ее, а потом лежали под ней в гараже, пытаясь заставить изделие отечественного Автопрома выехать из этого самого гаража (который еще тоже — см. одноименный фильм Эльдара Рязанова — надо было иметь) и проехать хотя бы сколько.

Был, правда, период в советской истории, когда слова «иномарка» еще не существовало, а самих иномарок было полно — послевоенные годы. Трофейные «Майбахи» и «Опелькадеты» бодро порскали по нашим улицам, вызывая уважение и зависть: вон каких зверей приручили. Потом — «наш ответ Чемберлену» (точнее, конечно, Черчиллю с Рузвельтом, хоть последний и умер в 1945 году) — появилась стилизация «Победа», потом — «Волга» ГАЗ-22. С оленем. То было время стильных машин, черт возьми! Зализанные, «космические» обводы у нас, «акульки плавники» — «у них». Красота и эстетика. Автомобиль был действительно не роскошью, но и средством передвижения. Машина была показателем статуса.

Сейчас, во времена тупых джипов и гламурных «Порше», во времена, когда каждый менеджер среднего звена может позволить себе взять в кредит «нестыдную машинку», истинно элегантные автомобили остались уделом отдельных ценителей. Что жаль.

Дмитрий Малков

Неожиданный или сильный?

12 апреля в книжном магазине «Москва» на Воздвиженке были названы имена тех, кому предстоит стать главными действующими лицами второго этапа ежегодной российской литературной премии «Национальный бестселлер» за 2012 год. Другими словами, это члены «короткого списка», сформированные Большим жюри, и члены Малого жюри, которые и выберут победителя. В шорт-лист, как водится, попали писатели, набравшие наибольшее количество баллов. Александр Терехов с «Немцами» — «велеречиво-разоблачительным романом о лужковской Москве» (по формулировке основателя и ответственного секретаря премии Виктора Топорова) получил 12 баллов. Малоизвестный автор Владимир Лидский, номинированный Павлом Крусановым, с книгой «Русский садизм» — взял семь. Столько же — у Владимира Лорченкова («Копи царя Соломона») и Марины Степновой («Женщины Лазаря»). По шесть баллов у Сергея Носова («Франсуаза, или Путь к леднику») и Анны Старобинец («Живущий»). Таким образом, в итоговый список не попали, как многие прогнозировали, Юрий Буйда (ему не хватило одного балла), уже упоминавшийся Павел Крусанов, Виктор Пелевин и представители так называемой «актуальной литературы» — Анатолий Гаврилов и Дмитрий Данилов. А получившийся шорт-лист определен организаторами премии как «достаточно неожиданный, и, вместе с тем, несомненно сильный».

Что же касается Малого жюри, то в его состав в 2012 году вошли писатель Захар Прилепин (лауреат «НацБеста-2007» и «Супер-НацБеста»), публицист Дмитрий Ольшанский, общественный деятель Женя Отто, музыкант Михаил Родионов, ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Валерий Соломин и кинорежиссер Карен Шахназаров. Почетным председателем Малого жюри стал лидер группы «Ленинград» Сергей Шнуров.

Стихи, которые изменили мир

Если вдруг 84-летний Понтер Грасс захочет поехать в Израиль, то теперь ему это сделать не удастся: немецкий писатель и лауреат Нобелевской премии объявлен в еврейском государстве персоной нон-грата. Решение было принято премьер-министром Биньямином Нетаньяху 5 апреля — на следующий день после публикации в газете «Зюддойче Цайтунг» под рубрикой «Протест» грассовского стихотворения, под названием «Что должно быть сказано». «Почему я говорю только сейчас, постаревший, последними чернилами: атомная держава Израиль ставит под угрозу и без того хрупкий мир во всем мире», — написал Грасс в стихотворении, 69 строк которого привели в итоге к тому, что самого известного в мире современного немецкого писателя обвинили в антисемитизме, «припомнив» ему также и службу в Ваффен-СС в годы войны (в 2006 году Грасс рассказал, что в 17 лет он действительно состоял в рядах СС, однако ни разу не выстрелил, не совершал военных преступлений, а саму организацию воспринимал тогда как космополитическое элитное соединение). Кроме запрета на въезд в страну, правительство Израиля направило в Нобелевский комитет предложение о лишении писателя Нобелевской премии по литературе, полученной им в 1999 году. Представители Шведской академии незамедлительно ответили: для такого шага они не видят оснований, поскольку награда была присуждена писателю исключительно в знак признания его заслуг перед литературой.

Издания, отрецензированные в номере

Айзенберг М. Случайное сходство.	7
Александровский Г. Цусимский бой.	15
Аросев Г. Записки изолгавшегося.	4
Бертолуччи Б. Мое прекрасное наваждение: Воспоминания, письма, беседы (1962 – 2010)	17
Глаттауэр Д. Рождественский пес.	9
Даншен С. Элвис Пресли. Реванш Юга.	19
Казанцева А. Мужчины, женщины и другие люди.	15
Керуак Дж. Доктор Сакс.	5
Коко Шанель. Жизнь, рассказанная ею самой .	6
Кокто Ж. Стихотворения.	9
Лишаев С. Помнить фотографией.	9
Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны.	9
Мастер Чэнь. Дегустатор.	4
Мердок А. Книга и братство.	5
Миклашевская Л. Повторение пройденного .	15
Миронов А. Хронавтика: Кн. 1: Дары данайцев.	9
Мясникова С. Детки не растут на ветке.	4
Мяхар О. Дневник кота мага.	15
Немиров М. 164 или где-то около того: Стихи	7

От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии: К юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям / Сост., науч. ред. Т.Марченко.	9
Паван Ж. Марлен Дитрих.	17
Пиколт Дж. Особые отношения.	15
Пилинский Я. Избранное.	9
Принцесса в подземном царстве: Белорусские народные сказки / Пересказ В.Яговдик.	24
Реутин М. «Христианский неоплатонизм» XIV века: Опыт сравнительного изучения богословских доктрин Иоанна Экхарта и Григория Паламы. Парижские диспутации Иоанна Экхарта.	9
Скарпа Т. Фундаментальные вещи.	5
Смирнов А. Чародеи: Повелители волшебства. Академия волшебства. Источник волшебства. Дары волшебства. Власть волшебства.	15
Сурганова С. Тетрадь слов.	19
Сушинский Б. Жребий викинга.	15
Фантум 2012. Локальный экстремум: Антология / Сост. Г.Гусаков.	15
Щербак-Жуков А. Дневник наблюдений за природой.	7
Эмис Х. Азбука мужской моды.	6

Вторая почетная номинация

Чеченский писатель Канта Ибрагимов выдвинут на соискание Нобелевской премии в области литературы в 2012 году за роман «Аврора». Об этом литератора уведомил в официальном письме Нобелевский комитет при Шведской академии наук. Канта Ибрагимов выдвигается на Нобелевскую премию во второй раз. В 2010 году Нобелевский комитет номинировал чеченского писателя за роман «Детский мир».

Ибрагимов является председателем Союза писателей Чеченской Республики и членом Союза писателей России. Он доктор экономических наук, профессор. В 2004 году стал лауреатом Государственной премии РФ в области литературы и искусства.

Канта Ибрагимов начал писать художественную литературу в 38 лет. До этого он писал только научные труды в области экономики. Первый роман «Прошедшие войны», принесший ему широкую известность, вышел в свет в 1999 году. Писатель сам пережил трагические события 1990-х годов, которые произошли в республике.

Также Ибрагимов является автором романов «Седой Кавказ», «Учитель истории», «Сказка Востока» и «Дом проблем» и более 20 научных публикаций, в том числе трех монографий.

Как вы яхту назовете...

Авторы книг с самыми нелепыми, странными и курьезными названиями получают премию Diagram, начиная с 1978 года. Раньше решение о том, кто самый достойный, принимали эксперты, но последние 11 лет это почетное право принадлежит англоязычным читателям. На днях был объявлен победитель 2012 года. Им стало издание, название которого в наиболее точном переводе звучит: «Готовим с экскрементами» («Cooking with Roo»). Как не сложно догадаться, книга кулинарного толка. Однако Сайюнд Дивонг — жительница Бангкока, владеющая кулинарной школой и навыками писателя — вовсе не призывает на страницах своего творения готовить пищу с «ними», то есть с роо, она всего лишь предлагает готовить вместе с ней, потому что Пу — это ее прозвище на тайском (в переводе «краб»). Вместе с Пу за первое место «боролись» более 60 произведений, среди которых и те, что до последнего момента находились в числе явных фаворитов: «Великая пенисная паника в Сингапуре», «Эстонские узоры на носках всего мира» и «Гриб в христианском искусстве» — книга, где выдвигается теория, будто Иисус был воплощением Красного Мухомора — священного гриба во многих культурах. В прежние годы этой замечательной премией были отмечены книги: «Как гадить в лесу: экологический подход к забытому искусству», «Начните с собственных ног, если хотите ясности в отношениях», «Население и другие проблемы» (исследование, посвященное демографии Китая).

Выбор редакции

1 За все время существования русской поэзии мало кто из поэтов был так любим при жизни, как Блок. Такое мнение однажды высказал поэт Георгий Иванов, а автор этой книги — доктор филологических наук, критик и текстолог Евгения Иванова — убеждена, что Блок до сих пор «остается наименее прочитанным из всех поэтов Серебряного века».

Иванова Е. Александр Блок: Последние годы жизни. СПб.: Росток, 2012. — 608 с.

2 Эбергард, руководитель пресс-центра в одной из префектур города, умный и ироничный скептик, вполне усвоил законы чиновничьей элиты. Однако позиция конформиста оборачивается внезапным крушением карьеры. Личная жизнь тоже складывается непросто: все подчинено борьбе за дочь от первого брака.

Терехов А. Немцы: Роман. М.: Астрель, 2012. — 572 с.

3 Ее первый роман — «Река» — был номинирован на премию Orange. Второй — «Немецкий мальчик», написанный спустя десять лет, тоже, по всей видимости, станет событием. Англичанка Патрисия Вастведт рассказывает историю, где сюжетные линии переплетаются, как и жизни героев: детей и взрослых, которым так не повезло родиться в 1930-м, жить в 1940-м, ненавидеть в 1947-м.

Вастведт П. Немецкий мальчик / Пер. с англ. А.Ахмеров. М.: Фантом Пресс, 2012. — 448 с.

Павел Татарников

персона

«Пока рисуешь — проживаешь параллельную жизнь...»

Беседовала
Вера Бройде

Психологи говорят, что едва ли не любой читатель или зритель фильма где-то внутри отождествляет себя с героем — мол, именно это и есть форма сопереживания. С кем же тогда сравнивать себя Павлу Татарникову? Он — единственный белорусский художник-иллюстратор, получивший высшую награду Братиславского биеннале книжного искусства — «Золотое яблоко», причем дважды: за иллюстрации к сборнику белорусских сказок (см. с. 24), недавно впервые изданных у нас, и за рисунки к одному из самых известных эпосов британцев — о короле Артуре. Для китайских сказок он рисует драконов, для сказок братьев Гримм — золотого гуся; рисует храбрых витязей, добрых волшебников, злых ведьм и еще много других страшных вещей. Так что на поставленный психологами вопрос ответить ему нелегко.

— А я не знаю — про себя. Могу совершенно точно сказать лишь то, что, пока рисуешь, — проживаешь параллельную жизнь: тут она приостанавливается, а там — продолжается. Я люблю работать дома у мамы: удобно, ничто не отвлекает, сидишь, пишешь — и тут ее крик: «Павлик, обедать!» О! И я вылезаю из той реальности, в которой до этого пребывал. Вообще-то, профессия графика и книжного иллюстратора обязывает иметь довольно широкий кругозор, обязывает хорошо разбираться в искусстве и в исторических реалиях. Без этого невозможно работать. Я, например, всегда интересовался историей. Но с каждой новой работой мне приходится заново учиться, чтобы досконально знать все тонкости и нюансы той эпохи, к которой принадлежат мои герои. Даже если они — сказочные или мифологические персонажи.

— Вы не отвечаете на вопрос: «Кто ваш любимый художник?» — даже, к примеру, с уточнением: «XX века». Вы говорите: «Нет» — и добавляете: «На это я пойти не могу».

— Их очень много, слишком много, чтобы называть кого-то конкретного. Скорее, я скажу, что воздействовали какие-то эпохи. Средневековая миниатюра, Раннее Возрождение и поздняя готика — в юности они оказали на меня очень сильное влияние. И в то же время есть циклы иллюстраций, где я вполне сознательно цитирую Климта.

— Раз вы не хотите называть имя какого-то одного художника, может быть, согласитесь выбрать из тех, кто, на ваш взгляд, лучше всех проиллюстрировал «Алису в стране чудес»?

— Мне подарили на день рождения большой альбом — «Алиса в стране чудес. В стране чудес Алисы». Это такой огромный том, рассказывающий и показывающий историю иллюстрирования сказки за сто с лишним лет. И, боже мой, сколько же там потрясающих художников, за сто лет такого наворотили, и мне все так нравятся! Сказать, что кто-то из них лучше — ну... У меня есть студентка — сейчас она пишет диплом по «Алисе», и хотя работа еще не закончена, она находится в процессе, но мне уже кажется просто гениальной. Она делает такие рулоны — на семь метров в длину и на два в ширину, и ажурно их расписывает, очень тонко и красиво, умереть можно. А я не столкнулся с «Алисой», мне не посчастливилось ее иллюстрировать.

— А первую свою книжку, проиллюстрированную осмысленно и по собственному желанию, вы помните?

— Корней Чуковский — «Муха-Цокотуха». Я рисовал этих насекомых, мух и тараканов, потом пером от руки писал стихи, потому что полиграфического текста там не было. Почему — не знаю, просто в голове сидели эти слова: муха-цокотуха, муха-цокотуха. Все началось, как это чаще всего и бывает, со шрифта. Хотя если копнуть еще глубже, то ведь графика начинается с точки, а потом точка вырастает в линию. Так появилась Азбука Морзе: точка — тире, точка — тире.

— Геннадий Калиновский — как раз один из иллюстраторов «Алисы» — говорил, что мастерство художника не столько в умении рисовать, не столько в понимании текста и не столько в искусстве шрифтовика, сколько в чувствовании той книги, за которую он берется. Вы с ним согласны?

— Тайна текста — это вообще самый главный вопрос, вопрос любого искусства, не только иллюстраторского. Почему люди делают то, что в народном хозяйстве, собственно, не очень-то нужно? Тайна. С одной стороны, есть стремление человека украшать пространство вокруг себя, но с другой — для объяснения этого мало. Одно украшательство — это ремесло, а человек все время стремится создавать какие-то новые образы. И часть своей жизни он проживает не в материальном мире, а среди этих образов: литературных, музыкальных, художественных. То, что художник должен руководствоваться прежде всего чувством — это, наверное, правильно. Но если у него нет навыков... Ведь тонко чувствующих, поэтических людей в мире довольно много, а вот тех, кто смог бы это чувство выразить, — гораздо меньше. Иными словами, я согласен с Калиновским, но не стал бы настаивать именно на такой градации: что первичнее. Да и ведь есть еще вопрос вдохновения, идеи или технологии. Некоторые вещи появляются на свет в результате толчка, который был дан технологией. А в других случаях — как это у Горина: «материализация чувственных идей». Как бы там ни было, но правда в том, что без души — искусства нет.

— А у вас есть заветная мечта — придумать иллюстрации для той книги, о которой вы всегда грезил?

— Заветная мечта? Не знаю, сейчас так много

других проектов, над которыми я работаю, что о ней почти не приходится вспоминать.... Вернуться бы в детство, вот там она была, точнее — они, мечты. Тогда я мог бы даже разложить их по полочкам: вот эта мечта — самая заветная, а вот эта — менее заветная... С возрастом все меняется. Но сейчас, например, я занят проектом, который, не знаю, насколько уж заветный, но... В общем, это иллюстрирование книги бытия — генезис, или сотворение мира. Да, такая работа, что начал — и сам боюсь. Пока все еще находится в стадии идеи, однако на нее, на идею, уже даны деньги, есть заказчики в Штатах и Германии, и все это очень интересно. Правда, встает церковный вопрос, но он же и придает ситуации любопытный аспект: с одной стороны, есть протестантская традиция, а с другой — католическая. Ну, чуть-чуть смелости — и, я верю, все получится.

— До вас за такое ведь вообще никто не брался. А когда вы принимаетесь за очередную работу, за книгу, которую прежде уже кто-то иллюстрировал, то, вероятно, стараетесь не знать, как это было кем-то сделано?

— Это подчас почти невозможно — не знать. Вот пример — «Снежная королева», с детства помню десятки рисунков, да еще и фильм, и мультфильм, и среди них было столько красивых, столько гениальных — как тут быть? Не помню уже, как я с этим боролся потом — наверное, пытался как-то абстрагироваться, чтобы не попасть в чужой контекст, хотя до конца это, наверное, невозможно.

— И в случае с «Принцессой в подземном царстве» тоже пришлось с чем-то похожим столкнуться?

— Ну, в любом искусстве прежде всего важна идея. Часто бывает так, что часы, дни, недели и даже месяцы кропотливой работы проходят даром, если идея этого не стоит. А в иллюстрировании книги не может быть одной картины, даже прекрасной: здесь нужно постараться сделать так, чтобы все произведение было стилистически цельным, единым. Часто нужно как бы заново создать некий образ, который будет помогать тексту. В этой книге технические все выглядит очень классическим: акварель на мелованной бумаге, где-то используется темпера и чуть-чуть акрила. И еще здесь много маленьких элементов, которые надо... прошу прощения за выражение — оно типичное для графиков — задушить. У них даже есть такая

фраза: «Виши заели», — это когда чересчур кропотливой работой довел себя до такого состояния, что уже больше ничего не можешь делать.

— Сказки из этого сборника — очень страшные...

— О, да! Отрезанные пальцы, отрезанные ноги — старый добрый фольклор, настоящий. Многие говорят: а стоит ли вообще такие ужасы издавать, не лучше ли ребенка от них оградить? И психологи спорят, и писатели, и художники. Но ведь такие сказки появились неспроста: наверное, это страшное начало, тяга к чему-то такому темному и пугающему, заложена в нас изначально. Ведь в детстве мы всегда друг друга пугали до криков, в летнем лагере по ночам, рассказывали страшилки, закутавшись с головой в белое одеяло, и смотрели фильмы ужасов, зная прекрасно, что потом наверняка приснятся кошмары. Должно быть, некая сублимация жестокости нужна. А прелесть детской страшной сказки в том, что она всегда заканчивается хорошо. Открытый финал бывает во взрослых триллерах, а тут — ребенок знакомится с тяготами жизни, но одновременно он как бы защищен, в глубине души ему спокойно, потому что в нем есть уверенность, что, в конце концов, все будет в порядке. Дети такие существа, которые больше всего на свете любят играть и развлекаться. Ну и правильно — ведь это легче, чем работать и напрягаться. Чтение или учеба как некое усложнение жизни именно поэтому зачастую воспринимаются с тоской. Другое дело — подготовка к жизни, которая ждет тебя впереди, — вот здесь сказка и вырастает, с ней проще, она учит как бы «не учя»: говорит о том, что — добро, что — зло. Хотя вопрос о добре и зле, о морали — философский. И мы читаем сказки других народов, в которых отношение к этому вопросу — подчас совершенно не такое, как у нас. Есть мораль авраамическая — мораль представителей христианской, иудейской, исламской религий. А есть мораль языческая — совсем другая, или мораль даосская, в которой понятия «добрый», «злой» отсутствуют, зато есть понятия «слабый», «сильный». Нам это, конечно, тяжело осмыслить и принять, в нашей мифологии змей — это воплощение зла, а в китайской, где драконов так много, они часто играют роль положительных персонажей. Так что если хотите понять человека другой культуры, лучше всего откройте сказки, сочиненные его народом.

4 Легендой они стали еще при жизни, все четверо — Николай, Александр, Андрей и Петр. Главное «детище» их совместных усилий — «Спартак». Но братья сумели проявить себя не только на футбольном поле. Судьбу их отнюдь не назовешь легкой. Им — опять же всем четверым — пришлось пройти через тюрьмы и сталинские лагеря, 12 лет оказалась по существу вычеркнута из жизни.

Духон Б., Морозов Г.
Братья Старостины.
М.: Молодая гвардия, 2012. — 302 с. — (Жизнь замечательных людей).

5 16-й год XX века. Калькутта. Лейтенант Пик, точно знающий, что жить ему осталось лишь несколько часов, приносит себя в жертву, чтобы спасти крошечного мальчика Бена и его сестру-двойняшку Шир... С 16-го года проходит 16 лет, и в городе появляется смертоносный огненный призрак. Что это за существо? И почему так упорно подбирается к близнецам?

Сафон К. Р.
Дворец полуночи / Пер. с исп. Е.Антроповой.
М.: Астрель, 2012. — 318 с.

6 Каждый год они идут к вершине священной горы Фудзиямы — их тысячи, и все хотят понять: что же за белый дым, будто парящий мост, тянется к небесному городу? Ответ на такой сложный вопрос можно найти разве что там — наверху, и еще здесь, в волшебных японских сказках.

Японские волшебные сказки: В 2 т. Т.1:
Украденный амулет; Т.2: Жемчужная ветвь / Пер. с англ. П.Стравца.
М.: Издательский Дом Мещерякова, 2012. — 72 с. / 80 с.: ил.

7 «1922 год» — история, которую критики уже назвали одним из лучших малых произведений Кинга. Фермер, убивший свою жену ради ста акров земли, понимает: возмездие придет с неожиданной стороны... «Громила» — рассказ о том, на что способна пойти женщина, чтобы отомстить насильнику... «Счастливый брак» — оригинальная вариация «вечной» сказки о Синей Бороде... И т.д.

Кинг С.
Тьма — и больше ничего / Пер. с англ. В.Антонова, В.Вебера.
М.: Астрель, 2012. — 414 с.